

Генезис национальной школы некоренного пришлого населения Енисейской губернии в 1860-1920-е гг.

О.А. Гюнтер

Сибирский Федеральный университет, пр. Свободный 82А, Красноярск, Россия
lesia-alisa@mail.ru

Статья поступила 24.01.2022, принята 15.03.2022

В статье Гюнтер О.А. «Генезис национальной школы некоренного инородческого населения Енисейской губернии в 1860-е гг.-1920-е гг.» рассмотрен опыт становления, развития и трансформации национальной школы для пришлого инородческого населения Енисейской губернии во второй половине XIX - первой трети XX вв. В исследовании кратко описан состав, численность, места расселения основных этнических групп пришлого населения, проанализированы особенности зарождения и функционирования образовательных учреждений в условиях противоположенных подходов со стороны государства в вопросах национальной и просветительской политики в изучаемый период. Теоретическая основа исследования – антропологический подход, сравнительно-исторический, структурно-функциональный, проблемно-хронологический и статистический методы. Автор делает вывод о том, что конце изучаемого периода в Енисейской губернии были полноценно реализованы задачи государственной национальной и образовательной политики, создана комплексная, единая и эффективная система национальных школ для представителей пришлых народностей на основе практического опыта дореволюционного периода.

Ключевые слова: Национальная школа, национальное образование, этнос, просвещение, национальная политика, автономизация, коренизация

Genesis of the national school of the non-indigenous foreign population of the Yenisei province in the 1860s-1920s

O.A. Gunter

Siberian Federal University; 82A, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia
lesia-alisa@mail.ru

Received 24.01.2022, accepted 15.03.2022

In the article "The genesis of the national school of the non-indigenous foreign population of the Yenisei province in the 1860s-1920s" written by Gunter O.A., the experience of the formation, development and transformation of the national school for the alien population of the Yenisei province in the second half of the 19th - first third of the 20th centuries is considered. The study briefly describes the composition, size, and places of settlement of the main ethnic groups of the newcomer population, analyzes the features of the origin and functioning of educational institutions in the conditions of diametrically opposed approaches on the part of the state in matters of national and educational policy in the period under study. The theoretical basis of the research is the anthropological approach, comparative-historical, structural-functional, problem-chronological and statistical methods. The author concludes that at the end of the studied period of the Yenisei province, the tasks of the state national and educational policy were fully implemented, a comprehensive, unified and effective system of national schools was created for representatives of alien ethnic groups based on the practical experience of the pre-revolutionary period.

Keywords: national school, national education, ethnos, education, national policy, autonomization, indigenization.

Вторая половина XIX – первая треть XX вв. – период появления, трансформации и практической реализации идей национальной школы. Ее становление происходило с учетом особенностей национальной, образовательной политики государства, в условиях которой формировалась нормативно-правовая, методическая основа, инфраструктура учреждений образования.

Развитие идей национального образования началось в 60-е гг. XIX в. на волне демократических преобразований Александра II. Однако государственная национальная и образовательная политика носила исключительно ассимилятивный характер и была направлена на русификацию инородцев и их интеграцию в состав русскоязычного населения страны.

В 20-е гг. XX вв. последствия Октябрьской революции привели к глобальной трансформации не только системы государственного, национального, социального и экономического устройства РСФСР, но и системы образования. Национальное образование выделилось в самостоятельное направление и стало играть ключевую роль в реализации концепции национальной политики.

На смену ассимилятивному подходу пришел принцип коренизации, призванный формировать и укоренять в национальную самобытность народов РСФСР путем создания, в том числе, национального языка и образования, формирования интеллигенции из числа представителей национальных меньшинств.

Разница концепций, несомненно, определяла особенности строительства национальной школы региона.

Тема генезиса национального образования в России систематически возникала в трудах классиков отечественной педагогики и исторической науки.

Дореволюционный период идеи о особой роли национального образования как составной части народного образования были выражены в творчестве педагогов, историков, философов таких как К.Д. Ушинский, П.Ф. Каптерев, Н.И. Ильминский [1, 2, 3].

Основателями советской школы народного (национального) образования стали Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, чьи взгляды нашли отражение в первых нормативных документах советской власти [4, 5].

Значимую роль развитию концепции национальной школы сыграли труды советских педагогов В.Н. Сороко-Росинского, Е.Н. Медынского, Г.Н. Волкова [6, 7, 8], где она рассматривается как самостоятельная часть советской системы образования и как важный инструмент национальной политики.

Среди историков советского и современного периода выделяются работы А. Эфирова, Ф.Ф. Советкина, В.Л. Соскина, В.А. Демидова, В.Г. Чеботаревой, в которых охарактеризована история трансформации нерусских школ в разные исторические периоды в масштабах как государства, так и регионов Сибири [9, 10, 11, 12, 13].

Вопросы национального школьного строительства в Енисейской губернии Красноярском крае обсуждаются в трудах современных сибирских ученых.

В.В. Бибилова, изучая развитие единой трудовой школы на пространстве Приенисейской Сибири в 1920-е гг., обращает внимание на реализацию этой политики в плоскости национальных школ [14].

Н.А. Ореховой анализируется генезис еврейских школ, О.Л. Корольковым – школ народов Поволжья [15, 16].

Значимую роль для изучения истории национальной школы Приенисейского края играют труды Р.Г. Рафикова, характеризующие специфику межэтнических отношений и особенности реализации национальной политики среди народностей Красноярского края в прошлом и настоящем [17].

Анализ историографии позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время имеется обширный пласт исследований, касающихся вопросов национального образования. Однако комплексной работы, освещающей генезис национальной школы для пришлых народностей Енисейской губернии с учетом тотальной смены концепций государственной образовательной и национальной политики в рамках изучаемого периода не обнаружено. Цель и новизна исследования сводятся к попытке восполнить этот пробел.

Источниковая база, использованная в исследовании, представлена научными трудами упомянутых выше авторов, нормативно-правовыми документами, а также неопубликованными источниками из фондов Государственного архива Красноярского края. Данные документы связаны с работой дирекции народных училищ, Енисейского губернского и окружного отдела народного образования, документов органов власти и управления.

Для Енисейской губернии, исторически являющейся многонациональным и поликультурным регионом, вопросы национального образования были актуальными как в досоветский, так и в советский период.

Ведь, согласно Всероссийской переписи населения 1897 г., на территории региона проживало 570 000 жителей. Из них нерусское население составляло 97 000 чел. (пришлого - 66200) [18, с.9].

Рост пришлого инородческого населения про стимулировало строительство Транссибирской железной дороги, Столыпинская аграрная реформа, переселение беженцев и военнопленных времен Первой мировой войны.

На изменение национального состава Енисейской губернии начала 1920-х гг. оказали влияние процессы репатриации и оптации, а так же переселение из районов Поволжья, пораженных голодом. К 1926 г. нерусское население Приенисейского края насчитывало 185 тыс. чел., из них 123 тыс. приходилось на долю некоренного населения [18, с. 9].

Процессу генезиса школьного строительства для коренных и пришлых народностей региона свойственны общие и отличные черты в плоскости реализации государственной национальной и образовательной политики, степени участия об-

щества и религиозных организаций, уровня культурного развития народностей, их потребностей, задач, которые стояли перед школой.

В подавляющем большинстве представители пришлых народностей имели более высокий уровень культуры, развитый национальный язык и письменность (одновременно хорошо владели русским языком), отличный от коренных жителей губернии менталитет. Поэтому основной задачей школ была ликвидация элементарной неграмотности, сохранение, по возможности, культурной самобытности народов, проживающих в относительно чуждой этнической среде, их адаптация. Религиозный компонент в образовании, за исключением татарских и еврейских школ, отсутствовал.

Ниже представлена характеристика становления, развития, трансформации национальных школ основных пришлых народностей Приенисейского региона во второй половине 19 – первой трети 20 века.

Школы народов Прибалтики (латышские, эстонские)

В Енисейской губернии латышские поселенцы появились во второй половине XIX в. Они компактно проживали в селах Нижняя Буланка, Креславка, Бороковка, Каменское и деревне Мариенбургская, позже ставшие самыми крупными латгальскими поселениями. Эстонцы проживали в лютеранских колониях Верхний Суэдук и Верхняя Буланка (также, в данных колониях проживали латыши, финны, немцы), деревнях Нарва, Ряпина, новая Печора, Эстония, Хайдак. Всего, на момент 1897 г., на территории Енисейской губернии проживало около 1,4 тыс. жителей Прибалтики [18, с. 9], а к 1926 г. эта цифра выросла до 6000 человек [18, с. 95, 106].

Первые латышские школы появились в начале в 1909 г. по инициативе жителей в села Каменского, Нижней Буланки и деревни Мариенбургской.

В начале 1920-х гг., после установления в Енисейской губернии советской власти, при губернском и уездных отделах народного образования были созданы латышско-латгальские секции.

К 1925 г. число школ выросло в несколько раз - 14 школ первой ступени и одна латгальская школа семилетка в с. Креславка (единственная на всю РСФСР) [19, с. 83об].

Латыши трепетно относились к сохранению и преумножению национальной культуры – при школах действовали различные кружки (драматические, музыкальные, литературные), отмечались национальные праздники, при Ачинском педагогическом техникуме действовал уникальный театр, осуществлявший постановки на латгальском наречии. Из центральных регионов страны поступала национальная литература и периодические издания.

Стремление латышского народа к получению образования было одним из самых сильных. По количеству национальных школ, качеству постановки учебного процесса (например, латышская Каменская школа являлась образцово-показательной на территории всей Енисейской губернии), уровню культуры и степени развития родного языка (вплоть до того, что делопроизводство велось на латышском языке) латышская диаспора была примером для всех остальных народностей. На базе Ачинского педагогического техникума велась подготовка латгальских учителей.

Первые эстонские школы (одноклассные сельские училища) были также основаны в 1909 г. в деревнях Верхний Суэдук и Верхняя Буланка [20, с. 82]. Помимо эстонцев в них обучались литовцы, финны и немцы. Интересен тот факт, что желание иметь возможность обучать детей грамоте эстонцы проявляли неоднократно. В фондах Государственного архива Красноярского края сохранилось прошение пастора Нижне и Верхне Буланского прихода, который просил «милости на добрую цель дозволить эстонцам Верхне-Суэдук постройку религиозного училища» [21, с. 3]. Исходя из текста прошения, можно сделать вывод, что оно было не единичным. В итоге училище разрешили открыть, но при условии, что будет нанят учитель русского языка, а население будет способно выделять на содержание школы до 500 руб. в год. Как и следовало ожидать, открытие училища затянулось на долгие годы – сумма была неподъемной для местного населения.

В 1925 г. в губернии было открыто 11 эстонских школ (в т. ч. семилетняя школа) [22, с. 83 об].

Одной из самых острых проблем латышских школ была нехватка педагогического персонала, владеющего национальным языком. К середине 1920-х гг. ситуацию удалось выправить – началась подготовка учителей в Ленинградском педагогическом институте и Новосибирском педтехникуме.

Школы народов Поволжья (татарские, мордовские, чувашские)

Первые татарские селения Шулдат и Серебряково возникли в Енисейской губернии в середине XIX в., мордовские - Новоберезовское, Петропавловское, Михайловка в последней трети XIX в., отдельных чувашских сел создано не было. Перепись 1897 г. зафиксировала 6 тыс. татарского, 3,8 тыс. мордовского 639 населения [18, с. 9, 44-49, 67-71, 99-100].

Однако, несмотря на многочисленность народностей Поволжья, которые в подавляющем большинстве исповедовали ислам, на территории губернии действовала лишь одна татарская школа (медресе) в г. Красноярске.

Несомненно, попытки открыть дополнительные учреждения образования предпринимались.

Например, мусульмане г. Ачинска в 1909 г. ходатайствовали об открытии медресе [23, с.103об] крестьяне участка Филиппятово Абанской волости, прибывшие с различных районов Поволжья, в 1914 г. подняли вопрос об открытии собственной религиозной школы-медресе. На участке проживало около 20 детей школьного возраста, родители которых мечтали дать им образование, осознавая его важность [24, с. 24 об]. Жители были готовы взять полную ответственность за финансовое, хозяйственное содержание школы, нашли подходящего учителя, получили согласование на уровне уездной администрации и дирекции народных училищ, однако процесс создания школы прервался начавшаяся Первая мировая война.

Революции 1917 г. и гражданская война стали переломными в жизни поволжского населения Приенисейского региона. В начале 1920-х гг. началась интенсивная работа в области просвещения и национального школьного строительства - открывались школы, пункты ликвидации неграмотности и многое другое. Этот процесс был простимулирован не только активной позицией населения, но и очередной волной миграции - после голода в Поволжье численность переселенцев возросла в геометрической прогрессии. В 1925 г. численность татарского населения составила 23 тыс. человек, чувашского 9 тыс. человек, мордовского 20 тыс. человек [18, с. 48, 69, 78].

К 1925 г. в губернии насчитывалось 12 татарских школ [25, с. 83 об]; 3 мордовских национальных школы, 2 мордовских школы [26, с. 84]. При большинстве школ действовали различные кружки, в Красноярской школе выпускалась собственная стенгазета.

Однако, наблюдались и определенные негативные тенденции. Например, татарское население было самым религиозным и внедрение новых принципов советской школы, полностью исключая религиозное воспитание, воспринимались очень болезненно. И порой это упорство и приверженность традиционным формам воспитания доходила до курьезных ситуаций - например, татары отказывались проводить занятия по пятницам (священный день для представителей ислама).

Также, к середине 1920-х гг. намечалась отчетливая тенденция к ассимиляции и более плотному изучению русского языка. В отчете татарской школы за 1927-1928 уч. гг. отмечалось, что большинство учеников и их родителей предпочитают изучение русского языка национальному, так как он будет необходим в школе второй ступени и практически важен при условии проживания в среде подавляющего большинства русскоязычного населения [27, с. 337]. Подобного мнения при-

держивались учащиеся мордовские и чувашские школы.

Школы европейских народностей (немецкие, польские)

Первые мононациональные немецкие деревни на территории Енисейской губернии были образованы лишь в конце XIX в. - Александровка и Гнадендорф (с 1914 г. Николаевка 1-я). Так же известно, что немецкие поселенцы проживали совместно с эстонцами, латышами и финнами в лютеранских колониях Верхний Суэдук и Верхняя Буланка Минусинского уезда. Общая численность немецкого населения была весьма скромной - согласно Всероссийской переписи 1897 г. около 1000 человек [19, с. 9].

Что касается польского народа, то на территории губернии его представители появлялись в основном в ходе польских восстаний 1830-1831 гг., 1863-1864 гг. и небольшая часть в ходе столыпинской аграрной реформы. К началу XX вв. польская диаспора достигла 5, 9 тыс. чел. [92, с.9]. Местами наиболее компактного их расселения можно считать с. Шиля, с. Вершино-Рыбинское, г. Канск и с. Салба. Немало поляков проживало и в губернском городе Красноярске.

Однако, несмотря на численность немецких и польских переселенцев, ни одной национальной школы до революции создано не было - они успешно обучались в обычных начальных школах ведомства дирекции народных училищ, гимназиях, профессиональных учебных заведениях. Возможно, это объяснялось тем, что национальные школы других народностей имели выраженный конфессиональный уклон, в то время как для польского и немецкого населения религия не играла значимой роли и они не испытывали необходимости транслировать ее посредством образования. Школа воспринималась исключительно как источник знаний.

В годы Первой мировой войны, гражданской войны и революций, численность польской и немецкой диаспоры постоянно колебалась. К 1925 г. численность польской диаспоры возросла до 15 тыс. чел., немецкой - до 4 тыс. чел. [92, с. 50-57, 120-123].

Первые попытки создания национальной школы относятся к 1919-1920 гг., когда немецкая секция при Енисейском губернском отделе образования назначила учителя для борьбы с неграмотностью и открыла школу в с. Николаевке. Деятельность школы постоянно прерывалась из-за отсутствия учителей, а после очередного перерыва в 1923 г. больше не возобновилась.

Первая польская школа на территории губернии была открыта лишь в 1925 г. и охватывала 36 детей школьного возраста. Однако национальной назвать ее было сложно - преподавание на родном

языке не велось, хронически не хватало учителей [26, с. 84].

Формат новой советской школы был понятен и адекватно воспринимался, однако настойчивое внедрение национального языка (порой, в этом не было острой необходимости), воспитание коллективизма и социалистических идей, шли вразрез с мировоззрением и ценностями немцев и поляков. Возможно, поэтому результатом этого процесса стало полное исчезновение национальных школ.

Еврейские школы

На территории Приенисейского края евреи появились в начале XIX в. На рубеже XIX - XX вв. численность диаспоры достигла 5 тыс. чел. [18, с. 134-137].

В начале XX вв. в Енисейской губернии действовали один хедер в г. Енисейске, один в Канске (работал с большими перебоями и со временем закрылся), [28, с. 3-5] две в Ачинске, [28, с. 4, 33об] и в Красноярске талмуд тора. [29, с. 22об-23] К 1911 г. численность сократилась до 3 – по одной в Ачинске, Енисейске, Красноярске [21, с. 12 об].

Еврейское население с энтузиазмом отнеслось к начинаниям советской власти в области национальной школы, хоть и были сильно ассимилированы. К началу 1920-х гг. на территории губернии действовали 2 школы (в г. Ачинске и г. Красноярске).

В школах велась активная учебно-воспитательная работа. Однако, со временем наметились серьезные противоречия. С одной стороны, у молодежи появилась возможность получать высшее образование без всяких ограничений, пользоваться национальным языком, издавать литературу и периодические издания. Одновременно начались гонения на религию, которая являлась основой национальной идентичности и культуры евреев. Количество школ начало сокращаться и к 1927 г. действовала лишь одна еврейская школа в г. Красноярске.

Особая ситуация сложилась с национальным образованием среди **украинского и белорусского населения**, которое было достаточно многочисленным. В 1897 г. численность украинской диаспоры была 21.4. тыс. чел., в 1920 г. – 44 тыс. чел., в 1926 г. – 86, 5 тыс. чел., что касается белорусов, то в 1897 г. – около 500 чел., в 1920 – 30 тыс. чел. [18, с. 37-43, 61-66]. Однако, несмотря на большую численность диаспор и их стремительный рост, национальной школы ни в досоветский, ни в советский период не сложилось. В плоскости религии, культуры, языка, мировоззрения украинцы и белорусы были близки к русскому населению и составляли с ним единое этническое целое, поэтому не ощущали потребности в отдельной национальной школе.

В культурно-просветительской работе русский язык использовался по желанию самих украинцев, они посещали обычные русские школы. Попытки открыть национальные школы порой вызывали недоумение.

В период 1920-х гг. все национальные школы пришлых народностей губернии курировались особыми национальными секциями при Енисейском губернском отделе национального образования, успешно реализовывали принципы, заложенные в декларации единой трудовой школы, применяли программы ГУСа, которые, по отношению к школам пришлых национальностей, не требовали особой адаптации и доработки, в целом, были обеспечены учебной литературой (1927-1928 гг. средний показатель обеспеченности нацменьшкол составлял 80%).

Однако очень сложной оставалась ситуация с нехваткой школьных зданий (к 1925 г. лишь девять школ имели специальные школьные помещения, для остальных они были приспособленными и находились в плачевном состоянии), техническим снабжением, школьной мебелью, учебными материалами, общим финансированием. После перевода школ на местное финансирование проблемы усугубились еще больше. Однако, к концу 1920-х гг. ситуация медленно, но неуклонно начала меняться – улучшалось государственное финансирование, большую помощь оказывали родители учеников.

Пришлыми народностями неоднозначно воспринималась политика форсированной «коренизации», т.е. тотального перехода школы на национальный язык без особой на то необходимости – слабое знание русского языка практически полностью лишало национальные меньшинства возможности продолжать обучение в средне-специальных и высших учебных заведениях.

Тем не менее, можно констатировать, что в 1920-е гг. на территории Енисейской губернии, несмотря на трудности и дефициты, сложилась устойчивая сеть школ для коренных нерусских народностей, был поднят уровень образования и культуры, большинство выпускников имели возможность и желание продолжать образование в средне-специальных и высших учебных заведениях.

Процессы национального школьного строительства для коренных пришлых нерусских народностей Приенисейского региона имели схожие и отличные черты. Схожесть проявлялась в единстве подходов, правовой и методической базе. Отличия были в базовом культурном уровне, разнице итоговых целей. Особенно ярко это проявлялось в советский период. Для пришлых народностей цели заключались в ликвидации неграмотности, для коренных – в оказании помощи населению в области хозяйственного и культурного

строительства, определении статуса и границ национальной автономии. Поэтому просвещению коренного инородческого населения уделялось приоритетное внимание, в то время как пришлое

обладало большей самостоятельностью и инициативой.

Литература

1. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1954. Т. 3. 344 с.
2. Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения. М.: Логос, 1982. 438 с.
3. Исхакова Р.Р. Деятельность Н.И. Ильминского и его системы (Историография проблемы). Казань: Новое знание, 2002. 24 с.
4. Крупская Н.К. Педагогические сочинения. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1959. Т. 2. 348 с.
5. Луначарский А.В. О народном образовании. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1958. 559 с.
6. Сорока-Росинский В.Н. Путь русской национальной школы. Педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1991. 240 с.
7. Медынский Е.Н. Просвещение в СССР. М.: Гос. учеб. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1955. 389 с.
8. Волков Г.Н. Этнопедагогика. М.: Академия. 1999. 168 с.
9. Эфиоров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. М.: Учпедгиз, 1948. 280 с.
10. Национальные школы РСФСР / под ред. Ф.Ф. Советкина. М.: Изд-во Академии пед. наук, 1958. 302 с.
11. Соскин В.Л. Очерки истории и культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск: Наука, 1965. 279 с.
12. Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. 318 с.
13. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР. Свет и тени национальной политики 1917-1924 гг. М.: Общественная Академия наук рос. немцев, 2003. 851 с.
14. Бибикова В.В. Становление единой трудовой школы в 20-е годы XX века в Приенисейской Сибири. Красноярск: ВВВ, 2008. 352 с.
15. Орехова Н.А. Образовательная деятельность еврейских общин в Енисейской губернии (середина XIX и начало XX вв.) // История науки и образования в Сибири: сб. материалов всерос. науч. конф. (15-16 нояб. 2005 г.). Красноярск: КГПУ, 2006. С. 128-136.
16. Корольков О.Л. Чувашские и мордовские школы Приенисейского края в 1920-е гг. // История науки, образования и культуры в Сибири: сб. материалов II Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Красноярск, 2008. С. 138-142.
17. Рафиков Р.Г. Межэтнические связи Приенисейского региона. Красноярск: АААКК, 2007. 383 с.
18. Этноатлас Красноярского края. Красноярск: Группа компаний «Платина», 2006. 224 с.
19. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 290.
20. Памятная книжка Енисейской губернии. Красноярск: Енисейская губернская тип., 1915. 237 с.
21. Отчет о низших учебных заведениях // ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 177.
22. Доклад на заседании президиума Енисейского губисполкома о положении национальных меньшинств в губернии // ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 239.
23. Отчет о состоянии начальных народных училищ Енисейского и Канского округов // ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 31.
24. Списки приходских школ Енисейской епархии // ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 237.
25. Переписка с Народным комиссариатом просвещения о работе среди национальных меньшинств в Енисейской губернии // ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 288.
26. Отчеты о работе Ачинского, Канского и Минусинского уездных отделов народного образования // ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 258.
27. Протоколы заседаний коллегии Сибирского отдела народного образования // ГАКК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 33.
28. Отчетная ведомость заседаний о начальных училищах Ачинского и Минусинского уездов // ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56.
29. Ведомость о ревизиях в учебных заведениях инспектором народных училищ 1-го района Красноярского уезда // ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 168.